

ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

**ST.PETERSBURG JOURNAL
OF ORIENTAL STUDIES**

**выпуск 9
volume 9**

**Центр
«Петербургское Востоковедение»**

**Санкт-Петербург
1997**

Тюркские версии «Тарих-и Рашиди» и их место в средневековой восточнотуркестанской историографии

Т. И. Султанов

Санкт-Петербургский государственный университет

«Тарих-и Рашиди» Мирзы (Мухаммада) Хайдара Дуглата (1500—1551) является одним из наиболее интересных по содержанию и литературной судьбе памятников персоязычной исторической литературы XVI в.¹ Рукописная традиция, связанная с «Тарих-и Рашиди», достаточно богата и разнообразна; в настоящее время, насколько можно судить по каталогам и отдельным исследованиям, имеются данные о более чем тридцати списках труда Мирзы Хайдара Дуглата. Автограф сочинения пока не обнаружен; сохранившиеся списки персидского оригинала «Тарих-и Рашиди» не всегда полны и обнаруживают некоторые расхождения, но все же в совокупности дают возможность восстановить весь текст сочинения. «Тарих-и Рашиди» получил особую известность и авторитет как у ближайших к автору поколений мусульманских читателей, так и значительно позже. О популярности труда Мирзы Хайдара красноречиво говорят не только количество рукописей персидского оригинала, частые рецитации и обширные эксцепции из «Тарих-и Рашиди» у многочисленных мусульманских авторов, писавших о прошлом Моголистана, Восточного Туркестана и Северной Индии, но также переводы этого сочинения на тюрки, восходящие к XVIII—XIX вв. и свидетельствующие о том, что хронологически влияние «Тарих-и Рашиди» охватывало довольно длительный период.

Сочинение Мирзы Хайдара оказало заметное влияние и на европейскую ориенталистику: начиная с 40-х годов XIX в. каждый ученый, касавшийся каких-нибудь вопросов, связанных со средневековой историей Средней Азии и Северной Индии, неминуемо к нему обращается. Для темпов изучения «Тарих-и Рашиди» западноевропейской наукой показательно, что уже в 1895 г. благодаря усилиям Н. Илайса (N. Elias) и Е. Росса (E. Ross) был опубликован в Лондоне английский перевод сочинения Мирзы Хайдара (re-issue 1898; repr. 1970, 1973). В начале 90-х годов американский профессор В. Тэкстон (W. Thackston) осуществил издание персидского текста «Тарих-и Рашиди» и новый ее перевод на английский язык. В 1996 г. в Ташкенте издан русский перевод «Тарих-и Рашиди».

Тем не менее изучение «Тарих-и Рашиди» представляет собою еще не решенную задачу: нет надежного критического издания памятника,

нет и монографического исследования. Перед литературной историей тюркских переводов «Тарих-и Рашиди» также стоят серьезные проблемы. Прежде всего, до сих пор не установлено число самостоятельных переводов этого произведения на тюркские языки и время их составления. В. В. Бартольд, например, писал, что существуют два тюркских перевода «Тарих-и Рашиди»: Мухаммада Садыка, сделанный в XVIII в., и перевод, оконченный в Хотане в XIX в.² По мнению А. М. Мугинова, «Тарих-и Рашиди» переводился на тюрки по меньшей мере трижды; при этом самый ранний перевод был сделан в 1160/1747 г.³ Для литературной истории как самого персидского оригинала «Тарих-и Рашиди», так и его тюркских переводов особый интерес представляет замечание З. В. Тогана. В добавлении к статье В. В. Бартольда «Хайдер-мирза», опубликованном в «Энциклопедии ислама», он пишет: «Хотя Хайдар Мирза написал свой Тарих-и Рашиди на персидском языке, из некоторых списков этого произведения на чагатайском языке ясно, что еще сам он лично перевел его на тюркский язык»⁴. З. В. Тоган не указывает своего источника. Под выражением «некоторые списки этого произведения на чагатайском языке», по всей вероятности, следует подразумевать список тюркского перевода «Тарих-и Рашиди», хранящийся в Лондоне. На эту мысль наводит сообщение, содержащееся в работе Дж. Пирсона (J. D. Pearson), посвященной обзору восточных рукописных фондов Великобритании и Ирландии. Он пишет, что в библиотеке «The British and Foreign Bible Society» хранится много современных персидских манускриптов и «важная тюркская рукопись Тарих-и Рашиди, написанная в 1543 г.»⁵.

Такая датировка тюркской рукописи «Тарих-и Рашиди» вызывает много сомнений. Известно, что «Тарих-и Рашиди» состоит из двух самостоятельных частей, причем вторая часть сочинения была написана раньше первой. Начата она была не позднее 948/1541—1542 г. и закончена не ранее мухаррама 950/апрель-май 1543 г. Первая часть сочинения была начата не позднее 951/1544—1545 г. и закончена в последний день месяца зул-хиджжа 952/3 марта 1546 г.⁶ Существование рукописи «Тарих-и Рашиди» на тюркском языке, «написанной в 1543 г.» (автограф?), означало бы, что Мирза Хайдар Дуглат начал писать свой исторический труд одновременно на двух языках — персидском и тюркском, что тюркский вариант сочинения был завершен раньше и, таким образом, первая часть персидского текста «Тарих-и Рашиди», законченная в марте 1546 г., является переводом с тюркского, осуществленным самим автором. Однако краткость сообщения Дж. Пирсона и, главное, несоответствие его ныне установленным фактам литературной истории «Тарих-и Рашиди» не позволяют делать столь серьезные выводы.

На следствия, возникающие в связи с новой датой, для хронологии и языка оригинала «Тарих-и Рашиди» обратил внимание и Г. Хофман (H. F. Hofman), автор основательного труда по средневековой тюркской литературе. Не удовлетворившись сообщением Дж. Пирсона

и понимая его важность для литературной истории памятника, он обратился с соответствующим письмом к сотрудникам библиотеки «Библейского общества» в Лондоне. На запрос ему ответили, что относительно интересующей его рукописи в инвентарной книге «Библейского общества» значится следующее: «3 тома. Написано Мирзой Хайдаром, принцем ханской фамилии из Кашгара... Книга была написана в вилайете Кашмир, правителем которого он был около 1543 г. Подарено Rev. St. Baring'ом. 25 мая 1889»⁷.

Это сообщение, как пишет Г. Хофман, убедило его в следующем: Дж. Пирсон имел в виду, что «книга была написана, а не рукопись копирована — последнее имело бы важное значение — в 1543 г.»⁸. Однако 1543 г. не может являться временем написания «книги»: «Тарих-и Рашиди» был завершен полностью в 1546 г. (см. выше). Что касается записи в инвентарной книге, то она, очевидно, была сделана не специалистом. Во всяком случае, в ней содержится много неточностей. В действительности: 1) оригинал «Тарих-и Рашиди» был написан на персидском языке; 2) Мирза Хайдар не был принцем крови; 3) он правил Кашмиром с 1541 по 1551 г.

Представляется очевидным, что приводимая Дж. Пирсоном в качестве написания тюркской рукописи «Тарих-и Рашиди» дата — 1543 г. взята им из записи в инвентарной книге библиотеки «Библейского общества» без проверки и без соотнесения с фактами, известными ранее. Эта дата указывает лишь один из годов, когда Кашмиром правил Мирза Хайдар. Она не имеет, таким образом, отношения ни ко времени написания персидского оригинала «Тарих-и Рашиди», ни ко времени его тюркского перевода. Рукописи, хранящиеся в библиотеке «Библейского общества», как отметили еще в 1895 г. Н. Илайес и Е. Росс, пользовавшиеся ими при переводе персидского оригинала «Тарих-и Рашиди» на английский язык, представляют собой списки тюркского перевода сочинения Мирзы Хайдара, осуществленного в Восточном Туркестане в XIX в.⁹

Настоящая статья ставит своей целью исследовать списки тюркских переводов «Тарих-и Рашиди» из собрания СПбФ ИВ РАН. Выбор указанного фонда объясняется тем, что в рукописном отделе СПбФ ИВ РАН имеются списки едва ли не всех ныне известных тюркских переводов «Тарих-и Рашиди»; некоторые из них представлены автографом переводчика. Эти рукописи описаны¹⁰. Однако по существующим описаниям не устанавливается соотношение между персидским оригиналом и тюркскими переводами, далеко не ясно соотношение и между самими переводами. Эти вопросы требуют специальных изысканий. Только подробное изучение состава персидского оригинала «Тарих-и Рашиди» и тщательное сопоставление всех сохранившихся списков тюркских переводов с оригиналом и друг с другом дают возможность выявить то, что внесли в произведение переводчики и переписчики, равно как и своеобразие, присущее каждому отдельному переводу. Таким образом, перед настоящей работой стоит задача составления развернутой сравнительной характеристики и научного

описания каждого из списков тюркских переводов «Тарих-и Рашиди», а также и единого сводного оглавления персидского оригинала. Последнее вызвано отсутствием опубликованных текстологических работ о «Тарих-и Рашиди». Учитывая, однако, объем статьи, ограничимся здесь кратким изложением основных результатов работы над списком персидского оригинала.

Персидский оригинал «Тарих-и Рашиди» состоит из двух самостоятельных частей, обозначенных самим автором словом *дафтар*; каждый дафтар представляет собой композиционное целое, отличное как по характеру основных источников, по форме изложения материала, так и по функциональному назначению. Первый дафтар включает в свой состав, кроме основного текста, введение и заключение. Основной текст состоит из 69 глав. В тексте второго дафтара четко выделяются шесть главных составных частей: введение и заключительная глава, основная часть и три дополнения. Основной текст состоит из 144 глав¹¹. В качестве дополнения включены три небольших по объему произведения, принадлежащие другим лицам, а именно: 1) трактат, написанный духовным наставником Мирзы Хайдара Дуглата по прозвищу Мухаммад Кази; 2) трактат, написанный близким знакомым автора по прозвищу Ходжа Нура; 3) письмо этого же Ходжи Нурā¹².

От состава персидского оригинала «Тарих-и Рашиди» обратимся теперь к тюркским переводам этого сочинения.

Рукописный отдел СПбФ ИВ РАН располагает несколькими версиями тюркского перевода «Тарих-и Рашиди», представленными в фонде семью различной полноты и сохранности списками. Из них самый ранний по времени составления перевод представлен одним списком, поступившим в рукописный отдел в составе коллекции С. Ф. Ольденбурга. Автор перевода неизвестен: в рукописи он именуется просто *бендэ*, не называя ни своего имени, ни прозвания. В списке отсутствует предисловие переводчика, если таковое вообще существовало, и нам ничего не известно ни о побудительных мотивах перевода, ни об обстоятельствах, при которых была выполнена эта работа. Имеется послесловие переводчика, но объем заключенных в нем сведений очень незначителен. Однако в нем сообщается, что перевод осуществлен «в 1160 году, соответствующем году Овцы»¹³.

Дата 1160/1747 г. принята А. М. Мугиновым как время составления перевода¹⁴. Между тем в действительности году Овцы здесь соответствует не 1160 г. х., а 1164 (1751 г.). Хронологическая неувязка объясняется просто: в Туркестане и прилегающем регионе двенадцатилетний циклический календарь не был един. Этот факт зафиксирован в сочинениях ряда мусульманских историков. Так, Махмуд ибн Вали в своем «Бахр ал-асрар» говорит, правда сбивчиво и неуверенно, о несоответствии календарного «дня и недели» в Кашгарии по сравнению с Мавераннахром, Балхом и другими местностями. При этом он ссылается на народную молву¹⁵. Более определенные сведения на этот счет содержатся в сочинении восточнотуркестанского историка Муллы

Мусы «Тарих-и амнийа», на что впервые обратил внимание известный казахстанский востоковед В. П. Юдин. Как явствует из сочинения Муллы Мусы, при правлении Саид-хана (1514 — 1533) в применяемый в «Семиградье» двенадцатилетний циклический календарь была внесена «поправка», в результате чего «в этих городах счет лет (по двенадцатилетнему животному циклу) на четыре года опережает счет других городов. Однако даты по хиджре у них такие же»¹⁶.

Таким образом, приводя дату по хиджре (1160 г.) в соответствие с датой по циклическому календарю «Двенадцати животных» (год Овцы) с учетом местной, восточнотуркестанской, «поправки» Саид-хана, мы получаем искомый 1164 г. х. (1751 г.). О том, что перевод был осуществлен именно в 1164 г. х., свидетельствует следующее сообщение самого переводчика «Тарих-и Рашиди». Вот эти строки, в которых он заявляет: «В 1164 году я перевел на тюркú Таргиб ас-салат, Таб-и а'раз и эту книгу» (л. 144б). Под выражением «эту книгу», несомненно, имеется в виду «Тарих-и Рашиди» Мирзы Хайдара Дуглата.

Итак, анонимный переводчик осуществил перевод «Тарих-и Рашиди» на тюркú в 1164 г. мусульманской эры — 1751 г. григорианского летосчисления. При этом, по его словам, он потратил на перевод всего лишь 46 дней (л. 293а). Из этого сообщения и последней процитированной выше фразы переводчика можно заключить, что он, как и большинство позднесредневековых мусульманских переводчиков, был профессиональным писателем.

Приведенными данными исчерпываются содержащиеся в рукописи конкретные сведения о переводчике. Остается привести здесь его обращение к читателю, которое представляет собой не что иное, как дань литературной традиции. Переводчик выражает уверенность в том, что, совершив богоугодное дело, т. е. перевод, он оставил мусульманам память о себе и потому надеется, что правоверные помянут его в молитве благопожелания (л. 240б). Послесловие переводчика оканчивается традиционной формулой, содержащей *илтимас* — просьбу: «Если допущены ошибки, пусть не порицают. Аллах самый сведущий, самый справедливый» (л. 293а).

Характеризуя перевод анонимного автора XVIII в., А. М. Мугинов писал: «Сильно сокращенный и неграмотный перевод I, II и III частей Тарих-и Рашиди»¹⁷. Однако эту суровую оценку, данную к тому же без какой-либо аргументации, нельзя признать соответствующей действительности. Как будет показано ниже, подобная характеристика более приложима к списку, представляющему перевод, но не к самому переводу. Для пояснения этого положения приведем описательные характеристики рукописи С 570.

Рукопись представляет собой средних размеров книгу в кожаном, коричневого цвета реставрированном переплете с тиснением. Список содержит 300 листов¹⁸. Размер листа 26×17 см, размер текста — 21×12 см. Количество строк на странице неодинаковое: от 9 в начале до 20 в середине и конце рукописи. Одна часть рукописи написана на восточной, а другая — на европейской бумаге разного сорта и цвета, со штам-

пами и рекламным текстом на русском языке (л. 207аб, 255б, 261б, 264аб и др.). Шесть листов в начале рукописи (л. 01—06) без текста; на л. 138а полностью не вписан текст, на л. 138б — только одна строка, а на л. 206б — две строки.

Рукопись переписана двумя лицами для своих нужд. Полное фамильное имя основного переводчика указано в колофоне — Хадджи Йусуф ибн Мулла Ашур-Халифам ибн Курбан-Суфи ибн Давлат-Суфи (л. 298б). Другим переписчиком был, по-видимому, его отец — Мулла Ашур-Халифам. Почти вся рукопись, за исключением нескольких страниц, переписана жирным, неряшливым и очень грубым почерком, из чего можно заключить, что основным переписчиком не был привычен к письму. Более того, он был малограмотным человеком: текст рукописи изобилует орфографическими ошибками, особенно много их в начале списка. Орфографические ошибки исправлены в ряде случаев красными чернилами (л. 12а, 14а, 15аб, 16а и др.), но подавляющее их большинство осталось неисправленными. Переписчик, обращаясь к читателю, пишет: «Если допущены ошибки, пусть милостиво простят, пером исправления поправят, пусть прочтут *Фатиху* (*Фатиха* — название первой главы Корана, текст которой широко употребляется в качестве молитвенного) за сего немощного, немущего бедняка и помянут его в молитве благопожелания» (л. 293б). В этих словах, как представляется нам, следует видеть не только традиционную формулу; это и признание Хадджи Йусуфом своей слабости в, несомненно, новом для себя деле. Значительная часть персидских выражений и слов не была им понята и передана в сильно искаженном виде (особенно л. 112б, 146б, 199а, 204б, 223б, 230а, 241б, 243а), из чего следует вывод, что персидским языком он не владел. Вообще при анализе рукописи создается впечатление, что основным переписчиком был человек, усвоивший только азы арабографического письма (сын Муллы Ашур-Халифама?). Почерк второго переписчика, напротив, — уверенный и четкий насталик (л. 102б, 103б—104а, 179б, 246б—247а, 298а); правописание его чистое. Он не только хорошо владел *каلامом* (тростниковым пером), но обладал, видимо, поэтическим даром: в конце рукописи помещены стихи, посвященные окончанию переписки «Тарих-и Рашиди»; запись сделана вторым переписчиком. Ему, по всей вероятности, принадлежат и сами стихи.

По словам переписчика, он переписал «книгу Тарих-и Рашиди, состоящую из сорока четырех разделов» (?) (*кырк турт джуз*), за один месяц (л. 293а, 298б). Рукопись переписана в 1322/1904—1905 г. в деревне Ташимлык Кашгарского вилайета (л. 293а, 298б). Позже рукопись оказалась в «Кучари», где и была куплена С. Ф. Ольденбургом «за 10 лань» 20 января 1910 г. (л. 02а).

Список имеет следующие особенности и структуру. Нет предисловия переписчика. На л. 1б выражением «Во имя Аллаха милостивого, милосердного» начинается первый дафтар, который оканчивается на л. 104б. В тексте полностью опущена 41 глава из 69, насчитывающихся в персидском оригинале. Второй дафтар начинается на л. 104б и

оканчивается на л. 292б. В этой части полностью опущены 12 глав повествовательного текста, а также оба трактата, письмо Ходжи Нура, заключение Мирзы Хайдара ко второму дафтару и еще 19 глав из раздела о выдающихся деятелях гератского круга. В обоих дафтарх опущены большая часть стихов и *хадисов*, имеющих в персидском оригинале, а также начало и конец заключительной главы Мирзы Хайдара к первому дафтару, начало авторского предисловия ко второму дафтару. Последние восемь листов рукописи (л. 293а—300а) — послесловие основного переписчика и его записи о различных событиях, в частности о землетрясениях и пожарах, имевших место в Кашгаре, Хотане, Турфане и т. д. На л. 298а находятся стихи, посвященные окончанию переписки.

В списке последовательность глав нарушена. В первом дафтаре последняя часть текста 22-й главы (л. 51а) соответствует концу 55-й главы. Во втором дафтаре после главы 57-й, текст которой оканчивается в начале л. 235б, следуют главы 87—116. Л. 270а—292б соответствуют главам 59—83. Таким образом, в списке последней главой оказывается 83-я, а действительно последняя 144-я глава помещенной на л. 269а—270а. В ряде случаев отсутствует название главы, хотя текст имеется (л. 59а, 104б, 140б, 169б, 217б и др.).

Трудно сказать, следует ли объяснять нарушение последовательности глав и отсутствие в ряде случаев их названий состоянием рукописи, лежащей в основе рассматриваемого списка, или же низкой квалификацией и небрежностью основного переписчика — Хаджжи Йусуфа. Отметим только, что последний не отличался аккуратностью: так, например, свое сообщение о времени и сроках переписки «Тарих-и Рашиди», помещенное в самом начале колофона переписчика (л. 283а), он дословно повторяет через несколько листов (л. 298б).

Другой особенностью списка является то, что все главы и разделы, переписанные основным переписчиком, представляют собой сильно сокращенный и изрядно обработанный пересказ на тюрки соответствующих глав и разделов в персидском оригинале. Во многих случаях две или даже несколько глав объединены в одну маленькую, под общим названием.

В качестве иллюстрации приведем два фрагмента параллельного текста из персидского оригинала «Тарих-и Рашиди» и настоящего списка в русском переводе.

Перевод

*Из персидского оригинала*¹⁹
«Рассказ об Илйас-Ходжа-хане.

Об этом Илйас-Ходжа-хане у моголов не сохранилось каких-либо преданий. Мне приходит на память, что я слышал от своего отца, да озарит Аллах его могилу, имя Илйас-Ходжа-хана. Его жизненные обстоятельства

Из рукописи С 570 (л. 276—28а)
«Рассказ об Илйас-хане»²⁰. Об этом Илйас-Ходжа-хане у моголов не сохранилось каких-либо преданий. Это же содержится в *Зафар-наме*».

достаточно подробно и в связном изложении приведены в *Зафар-наме*. Они здесь переписаны».

Из персидского оригинала

«Поход Шахибек-хана на Хорезм, освобождение этой страны, возвращение в Мавераннахр и отправление его в Хорасанские области. Когда Шахибек-хан покончил с делами моголов, Султан Абу Саид-хан бежал в Моголистан, а мой отец в Хорасан. Часть моголов он перебил, часть захватил в плен. Шах-Бекима отправил в Хорасан, а прочих моголов прихватил с собой в Хорезм. В течение одиннадцати месяцев он осаждал Хорезм. В Хорезме находился Чин-Суфи, который до того был назначен туда хакимом Мирза Султан Хусейном. На протяжении одиннадцати месяцев никто не приходил к нему на помощь. Он (Шахибек-хан) дал такие удивительные бои, что до настоящего времени они считаются образцом среди узбеков. В конце концов, поскольку [в городе] не осталось ничего съестного, большая часть людей умерла от голода, и сопротивление стало более невозможным. В это самое время Шахибек-хан захватил крепость Хорезма, умертвил Чин-Суфия и возвратился в Самарканд»²².

Из тюркской рукописи

«Поход Шахибек-хана на Хорезм²¹. Когда Шахибек-хан, взяв с собой оставшихся моголов, отправился в Хорезм, там в течение последних пятнадцати месяцев хакимом был Чин-Суфи, назначенный Султан Хусейн-мирзой. Осадил. Одиннадцать месяцев никто не приходил к нему на помощь. Он дал такие удивительные бои и дивные сражения, что они остались образцом для узбеков. Наконец не осталось ничего съестного, и люди стали умирать; сопротивление стало невозможным. Шахибек-хан захватил Хорезм, умертвил Чин-Суфия и возвратился в Самарканд» (л. 155б—156а).

Сокращение текста перевода, его обработка, объединение глав и т. п. изменения, отмечаемые в списке, являются, по нашему мнению, результатом сознательной работы основного переписчика рукописи, Хаджжи Йусуфа. Похоже, что он и не собирался давать точную копию протографа: основная его задача заключалась в том, чтобы в кратчайший срок научиться владеть каламом. Это мнение основано на следующем факте: фрагменты, переписанные вторым переписчиком, отличаются большей степенью полноты и точности и свидетельствуют, таким образом, о том, что как сам перевод, так и рукопись, лежащая в основе настоящего списка, были вполне удовлетворительными. В качестве иллюстрации приведем в русском переводе отрывок, переписанный вторым переписчиком. Для сравнения помещаем также перевод параллельного текста из персидского оригинала «Тарих-и Рашиди». Публикуемый ниже фрагмент выбран нами из тюркской рукописи не случайно: он дает ясное представление о характере и методе работы над текстом обоих переписчиков одновременно.

Перевод

Из персидского оригинала

«Слово в заключении первого дафтара Тарих-и Рашиди. ...У Чингизхана было четыре сына. Он разделил мир между этими четырьмя сыновьями. Улус каждого сына представлял собой одну четвертую часть населенных культурных стран и пустынь покоренного мира. Там, где в исторических трудах упоминается *Улус арба'а* („Четыре улуса“), имеются в виду эти самые упомянутые четыре части. Ученый Мирза Улугбек написал исторический труд и назвал его тоже „*Улус арба'а*“. Один из четырех улусов — [улус] моголов. Моголы разделились на две части: одна часть — моголы, другая — чагатаи. Но эти две части, по причине взаимной неприязни, называют друг друга разными уничижительными именами, а именно: чагатаи называют моголов *джете*, а моголы именуют чагатаев *караунас*. Теперь из чагатаев не осталось никого, кроме падишахов чагатайских, которые являются потомками Бабур-падишаха. Место чагатаев в их наследственных городах и областях занял простой народ. Что же касается моголов, их, может быть, осталось около тридцати тысяч в пределах Турфана и Кашгара. На Моголистан стали претендовать узбеки[-казаки] и киргизы. Хотя киргизы тоже из могольских племен, но по причине частого неповиновения хаканам они отделились от моголов. Все моголы стали мусульманами и вошли в число последователей ислама, а киргизы, как и прежде, остались во власти неверия. По этой причине они вышли из состава моголов. Следствием этого явилось то, что моголы теперь стали самыми отдаленными и самыми малочисленными созданиями»²³.

Из тюркской рукописи

«Слово в заключении первого дафтара Тарих-и Рашиди. ...У Чингизхана было четыре сына. Он разделил мир между этими четырьмя сыновьями. Каждый его сын, в какую бы страну ни отправился, одерживал победу. Там, где в исторических трудах упоминается *Улус арба'а*, имеются в виду эти четыре сына. И исторический труд Мирза Улугбека называется „*Улус арба'а*“. Один из четырех улусов — [улус] моголов. Моголы составляют две части: одна часть — моголы, другая — чагатаи. Эти две части, по причине неприязни, уничижительно называют друг друга разными именами: чагатаи называют моголов *джете*, а моголы именуют чагатаев *караунас*. Теперь из чагатаев не осталось никого, кроме [потомков] Бабур-падишаха. Моголов в пределах Турфана и Кашгара осталось тридцать тысяч семейств. На Моголистан стали претендовать узбеки[-казаки] и киргизы. Все моголы приняли ислам, а киргизы остались во власти неверия. По этой причине²⁴ они полностью вышли из состава моголов. Автор книги говорит: надеюсь, если допущены ошибки и погрешности, простят и не станут порицать. Цель книги — оставить память, чтобы [имена и деяния] могольских хаканов не исчезли полностью во мраке времени. Этот Тарих-и Рашиди был завершён в девятьсот пятьдесят втором [году] в Кашмире. Автор книги Мирза Хайдар²⁵ Мухаммад Хусейн Гурган» (л. 1036 — 1046).

Из приведенных отрывков видно, что тюркский текст, переписанный вторым переписчиком, близок по содержанию к тексту персидского оригинала «Тарих-и Рашиди»; и, напротив, там, где калам берет в

руки Хаджжи Йусуф, тут же начинается пересказ, переделка текста перевода. Изменения, внесенные им в переведенный текст, очень значительны: так, в последнем цитированном фрагменте тремя предложениями он «передал» содержание текста, который в персидском оригинале, очевидно и в тюркском переводе анонимного автора XVIII в., занимает полный лист. Показательно и то, что повествование ведется здесь в 3-м лице.

Итак, перевод «Тарих-и Рашиди» на тюркский был осуществлен анонимным автором в 1164 г. х., соответствующем 1751 г. Это самый ранний из ныне известных переводов сочинения Мирзы Хайдара Дуглата на тюркский язык. Перевод представлен единственным пока списком из собрания СПбФ ИВ РАН, переписанным двумя лицами различного уровня грамотности. Оценка качества перевода затруднена тем, что в петербургском списке текст сильно искажен низкой квалификацией основного переписчика рукописи и его свободным отношением к оригиналу. Но, судя по нескольким переписанным вторым переписчиком фрагментам, перевод анонимного автора XVIII в. в целом был вполне удовлетворительным.

Анализируя текст рукописи, можно составить некоторое представление и о характере перевода. Так, в тюркском тексте даны по-персидски, без перевода: предисловие Мирзы Хайдара к первому дафтару (в списке в сильно сокращенном, а частью искаженном виде), стихи и почти все названия глав. Это, по всей вероятности, особенности, присущие переводчику. Из названий глав на тюркский язык переведены лишь шесть (№ 3, 4, 6, 17, 25 — первый дафтар; № 75 — второй дафтар), причем в трех случаях названия приведены и по-персидски, и в тюркском переводе (№ 3, 17, 25). Перевод названий глав не мог принадлежать анонимному автору XVIII в.: перевод далек от точности, тюркское название некоторых глав не может быть даже названо переводом с персидского. Вот пример: в персидском оригинале глава называется «Рафтан-и хан бе-Андижан бар-и дойюм»; в тюркском тексте — «Рафтан-и хан Андижанга бар-и дойюм» (л. 283). Весь «перевод» заключается здесь, как это видно, в замене персидского предлога *бе*, обычно присоединяемого к началу слова для образования дательного и творительного падежей, суффиксом *-ga-*, образующим в тюркских языках, в частности, дательный падеж. Эти полупереводы принадлежат, очевидно, перу Хаджжи Йусуфа, основного переписчика.

Таким образом, рукопись С 570 из собрания СПбФ ИВ РАН представляет собой сильно сокращенный и переработанный список тюркского перевода XVIII в. «Тарих-и Рашиди». Использование рукописи для научных изысканий без привлечения персидского оригинала или других тюркских переводов «Тарих-и Рашиди» практически невозможно, и в этом смысле она представляет для исследователя ограниченный интерес. За ней, однако, остается важное значение исторического свидетельства о переводе «Тарих-и Рашиди» на тюркский еще в середине XVIII в., о наличии в Кашгарии в начале нашего века другого, вероятно более надежного, списка этого перевода. В частности своих

(сведения, содержащиеся в колофоне, записи переписчика и т. д.) рукопись может представить специальный интерес для истории культуры Восточного Туркестана.

Следующий по времени перевод «Тарих-и Рашиди» на тюркский принадлежит перу Мухаммада Садыка Кашгари. Его имя хорошо известно специалистам. Судя по литературному наследию, Мухаммад Садык был видным литературным деятелем, человеком большой трудоспособности и прилежания. Он является автором по меньшей мере двух крупных произведений, написанных на тюркском, — «Тазкира-йи асхаб-и кахф» и «Тазкира-йи азизан». Последнее сочинение известно также под названиями «Тазкира-ий ходжаган» и «Тазкира-йи Джихан». В собрании восточных рукописей АН Узбекистана и в библиотеках Лондона хранятся списки сочинения Мухаммада Садыка Кашгари под названием «Дурр ал-мазхар»²⁶. Однако, как указано в одной из петербургских рукописей, «Дурр ал-мазхар» (или «Китаб-и дурр-и мазхар») является в действительности лишь другим названием «Тазкира-йи азизан»²⁷. То обстоятельство, что «Тазкира-йи азизан» известен под многими названиями, объясняется тем, что это сочинение дошло до нас в нескольких, по-видимому поздних, редакциях²⁸, каждая из которых имеет свое особое наименование. Согласно «Указателю» А. А. Семенова, имеется список этого сочинения и на персидском языке под названием «Тазкира-йи ходжаган»²⁹.

В. П. Юдин, как и Н. С. Лыкошин, к числу оригинальных переводов произведений Мухаммада Садыка причисляет и «Адаб ас-салихин»³⁰. Однако, согласно исследованию Г. Хофмана, «Адаб ас-салихин» представляет собой перевод на тюркский второй части «Зубдат ал-масаил» — сочинения ираноязычного индийского автора Абд ал-Хакка б. Сайф ад-Дина Дихлеви Хакки³¹.

Для Мухаммада Садыка характерны разные виды литературного творчества: он не только писал самостоятельные произведения, но и много переводил. Кроме «Тарих-и Рашиди» и второй части «Зубдат ал-масаил», он перевел на тюркский «Тарих-и Табари», дав своему переводу название «Тарих-и Искандарийа ва тадж-нама-йи шахи»³². Его перу, возможно, принадлежит также перевод «Маджму'ат ал-хакика-тайн» Мухаммада Садыка Яркенди³³.

Как видно, Мухаммад Садык Кашгари оставил заметный след в истории культуры Восточного Туркестана. Тем не менее мы не располагаем о нем практически никакими биографическими сведениями, не установлены даже годы его жизни. В каталоге Ю. Мухлисова без ссылки на источник говорится, что Мухаммад Садык Кашгари умер в 1849 г.³⁴ Эта дата принята А. М. Мугиновым³⁵ и другими тюркологами³⁶. Однако, как уже было отмечено в научной литературе, она не согласуется со временем написания «Тазкира-йи азизан» — 1182/1768 — 1769 г.³⁷; эта дата хронологически противоречит времени расцвета творческой деятельности Мухаммада Садыка, которое приходится на последние сорок лет XVIII в. Судя по *нисбе*, он был уроженцем Кашгара; по-видимому, вся его деятельность протекала в Восточном Туркестане в XVIII в.

Перевод «Тарих-и Рашиди» также был осуществлен им в Кашгаре. Согласно Ч. Ч. Валиханову (или его информатору) и А. М. Мугинову, инициатором перевода был Йунус-Таджи-бек б. Искандар-бек б. Айман (Эмин)-Ходжа³⁸; по К. Залеману (С. Salemann) — Хазрат Искандар-ванг хаким-беклик³⁹. Г. Хофман, который пользовался не первоисточником, а только литературными сведениями, считает «благоразумным придерживаться авторитета Валиханова и составителей нового каталога [тюркских рукописей] ИНА»⁴⁰, т. е. в данном случае А. М. Мугинова. Однако он не последователен в своем выборе: в другом томе его труда говорится о том, что перевод «Тарих-и Рашиди» был сделан Мухаммадом Садыком для Искандар-ванга, сына Амин-Ходжа-ванга⁴¹, т. е. он следует здесь К. Залеману. Мы не беремся объяснять причину, почему текст рукописи, где говорится об инициаторе перевода, был прочитан Ч. Ч. Валихановым (или его информатором), К. Залеманом и А. М. Мугиновым по-разному. Отметим только, что отдельные места этого текста действительно представляют затруднение для понимания, но в целом текст достаточно «прозрачен» и не оставляет сомнения в том, что перевод был выполнен по поручению именно Искандар-ванга. Обратимся непосредственно к предисловию переводчика⁴², подробно оно никем еще не приводилось.

Предисловие начинается длинным рассуждением переводчика о сущности «девяти небес» (с. 2—7). Затем, переходя к уведомительно-описательной части предисловия, переводчик сообщает свое имя в следующих выражениях: «Этот презренный бедняк, отшельник, имя которого во мраке неизвестности, недостойнейший Мухаммад Садык Кашгари доводит до сведения...» (с. 7). Далее он пишет, что сын покойного Хазрат Имин — Ходжа-ванг-беклика, его величество Искандар-ванг хаким-беклик — да увековечит всевышний Аллах его царствование и власть его! — «восседая на троне величия и престоле султанства, в обществе своего дорогого сына Хазрат Йунуса Таджибеклика, обладателя истинной веры, да умножает всевышний Аллах день ото дня его счастье и да возвышает Он его час от часу, удостоил чести сего неимущего бедняка и молельщика, обратившись с речью к нему». По нашему высочайшему повелению, сказал он Мухаммаду Садыку, вы «переложили на тюрки Тарих-и Табари», где излагаются события, имевшие место на протяжении пяти-шести тысяч лет. События, связанные с выступлением на исторической арене Чингиз-хана, описываются в «Зафар-наме-йи Тимур-наме». В «Тарих-и Рашиди» об этом мало сведений, но в нем подробнейшим образом излагается история правления могольских ханов от Туглук-Тимура до Абд ар-Рашид-хана. Однако книга эта написана на персидском языке, «в утонченном стиле», и потому ее содержание остается «скрытым от жителей Моголистана». Надобно, продолжал Искандар-ванг, чтобы эту историческую книгу вы переложили на широко употребляющееся в Кашгаре «тюркское наречие» и таким образом то, что «скрыто в книге», сделали достоянием «всех людей» этого края с тем, чтобы до дня страшного суда люди поминали наше и ваше имена добрым словом и провозглашали за нас молитву благожелательства (с. 8—9).

Последующие строки Мухаммад Садык посвящает восхвалению Искандар-ванга. По его словам, с приходом «этого могущественного эмира» к власти в Кашгаре большая часть пустующих «степей и пустынь превратилась в засеянное поле», смуты и распри прекратились, восторжествовала справедливость и вообще наступило благодатное время. Поэтому, пишет Мухаммад Садык в заключении предисловия, «я всем сердцем и душой одобрил» это нужное дело и, несмотря на отсутствие способностей, приступил к исполнению повеления. «Если допущены ошибки и упущения, то, надеюсь, сведущие люди поправят их пером исправления. Аллаху принадлежит всякое совершенство» (с. 9–10).

Дата перевода в рукописи не указана, так что время появления перевода можно установить только по косвенным данным и только приблизительно. Известно, что Хазрат Имин (Эмин)-Ходжа-ванг, отец Искандар-ванга, долгие годы являлся хакимом Турфана и за свои заслуги перед Цинской империей получил звание князя второй степени — *цзюнь-вана*⁴³. Согласно некоторым материалам, отцом Имин-Ходжи был Нийаз-Ходжа-Ахунд, сын Мир-Хабибаллаха Валиаллаха Суфи Ходжама⁴⁴. Его имя упоминается в источниках в связи с военно-политическими событиями в Восточном Туркестане начиная с 30-х годов XVIII в. по 1759 г. включительно⁴⁵. По всей вероятности, он умер в 60-х годах того же столетия. Годы правления Искандар-ванга Кашгаром в качестве хакима точно не определены. Известно только, что в этой должности ему наследовал его сын Йунус; другой сын Искандар-ванга, Исмаил, стал хакимом Яркенда. Причем Йунус уже в начале XIX в. носил титул *ванг*⁴⁶. Исходя из изложенного, можно заключить, что время появления перевода Мухаммада Садыка Кашгари — последняя треть XVIII в.

Рассмотрим теперь состав рукописи и отметим ее особенности. Петербургская рукопись — единственный известный ныне список перевода Мухаммада Садыка. Перевод, как и персидский оригинал, состоит из двух дафтаров; каждый дафтар имеет отдельную постраничную пагинацию, сделанную карандашом арабскими цифрами. К сожалению, обе части неполны. Первый дафтар начинается со с. 10⁴⁷ и оканчивается на с. 184. В нем полностью отсутствуют 14 глав, а у двух глав (№ 11 и 13) нет конца. Большая лакуна — пропуск сразу 10 глав подряд — объясняется дефектностью рукописи: в этом месте, по-видимому, утеряно несколько *куррасов* (тетрадок внутри рукописи). Дело в том, что с. 78, на которой оканчивается 26-я глава, — verso и в кустоде в качестве начального слова следующего листа стоит б̄ар. Однако следующая страница — 36-я по счету глава первого дафтара. В списке приведены названия только первой и последующих 9 глав (№ 60–69), во всех остальных случаях, включая и авторское название послесловия к первому дафтару, они отсутствуют; для текста названия почти везде оставлено место. Опущена также большая часть стихов и *хадисов* (преданий о словах и действиях пророка Мухаммада), имеющих в персидском оригинале.

Между первым и вторым дафтарамы пришит сложенный пополам лист меньшего, чем листы самой рукописи, размера. Этот лист-вставка, очевидно принадлежащий одному из владельцев рукописи, содержит следующий текст на персидском языке: «Перевод Тарих-и Рашиди на тюркский язык Кашгара. Перевод с персидского на тюркский осуществил Мухаммад Кашгари по повелению Йунус-Таджик (*так*)-бека б. Искандар-данг (*так*)-бека б. Имин-Ходжи, эмира Кашгара. А этот Мухаммад Садык — тот самый, который перевел Тарих-и Табари с арабского⁴⁸ на тюркский. Подлинная книга является сочинением Мухаммада Хайдар-мирзы б. Хусейн-Гургана, который среди людей известен как Мирза Хайдар; он из потомков эмира Буладжи Дуглата (с. 19). Книга заключает в себе историю могольских ханов начиная с правления Туглук-Тимур-хана до времени царствования Абд ар-Рашид-хана б. Саид-хана; состоит из двух дафтаров...». Далее следует краткий *фихрист* (перечень глав) первого и второго дафтаров.

При чтении этой записки невольно возникает мысль — не под ее влиянием у Ч. Ч. Валиханова (или его информатора) и А. М. Мугинова инициатором перевода указан Йунус-Таджи-беклик? Между тем автор записки неверно понял текст предисловия. Дело в том, что перевод был сделан по указанию правителя Кашгара. То, что в это время правителем был именно Искандар-ванг, видно уже из формулы, употребленной после упоминания его имени, — «да увековечит всевышний Аллах его царствование и власть его». А славословие после имени Йунуса содержит всего лишь благопожелания. Отношение Йунуса к переводу ограничивается лишь тем, что он присутствовал во время приема, когда его отец, «восседавая на троне величия и престоле султанства», отдавал распоряжение Мухаммаду Садыку⁴⁹.

Второй дафтар начинается словами: «Второй дафтар Тарих-и Рашиди. Во имя Аллаха милостивого, милосердного!». В этой части рукописи также большая лакуна — отсутствуют 13 глав в начале дафтара. Текст рукописи обрывается на главе, повествующей о Шах-Мухаммад-султани. Таким образом, в конце рукописи недостает 38 глав текста, авторского предисловия ко второму дафтару, а также второго трактата и письма Ходжи Нур̄а.

Глава под названием «Рассказ о последних обстоятельствах моего отца Мирзы Хусейн-Гургана, да сделает Аллах лучезарным его блеск» повторяется дважды (с. 19—23 и 32—36). Повторение это не могло возникнуть из возвращения к тому же тексту переводчика (в обоих случаях один и тот же перевод), а появилось в результате того, что переписчик вторично переписал эту главу. Объясняется ли этот факт небрежностью переписчика или же особенностью рукописи, с которой он копировал, сказать трудно.

Во многих местах рукописи мы встречаем пометки, исправления ошибок переписчика и т. п., сделанные карандашом. Об их происхождении ясное представление дает приписка на французском языке, также сделанная карандашом на полях 12-й страницы первого дафтара: «Вся пагинация в данной рукописи, а также все примечания на

полях и даты карандашом хорошо известны и принадлежат нашему коллеге-другу Мирзы Джафару Топчибашеву. Барон Демезон».

Поскольку отсутствует конец рукописи, то нет сведений ни о переписчике, ни о месте и времени переписки. Можно уверенно говорить только о том, что список переписан не позднее 1266/1849—1850 г., что видно из следующей приписки одного из владельцев: «Два тома Тарих-и Рашиди на тюрки. Куплено за 30 танга. 1266 [г. х.]» (с. 01). По мнению А. М. Мугинова, местом переписки является Восточный Туркестан⁵⁰.

В научной литературе перевод Мухаммада Садыка особенно полно использован В. В. Вельяминовым-Зерновым: во второй части его «Исследования» приведены обширные выписки в тексте и переводе — из персидского оригинала «Тарих-и Рашиди» (по рукописи Восточного факультета СПбГУ) и параллельного тюркского перевода Мухаммада Садыка⁵¹; при этом отмечены как пропуски, так и отдельные добавления, имеющиеся в тюркском переводе. Перевод Мухаммада Садыка использован также в «Материалах по истории Казахских ханств»⁵².

В. В. Вельяминов-Зернов определяет перевод Мухаммада Садыка как «замечательный»⁵³. По словам Г. Хофмана, перевод Мухаммада Садыка «не слишком точный»⁵⁴. Это мнение, несомненно, основано на следующих словах К. Залемана. Отмечая, что у В. В. Вельяминова-Зернова приведены выдержки из тюркского текста, он писал: «Как показывают отрывки, этот перевод малоразборчив, так как многие места без помощи оригинала просто непонятны; однако его вполне можно использовать в качестве вспомогательного средства для критики текста. В языковом отношении я обращаю внимание тюркологов на странное существительное „икандүк“, (мн. ч.) „икандүкләр“, которое я нигде не встречал»⁵⁵.

Действительно, в петербургском списке тюркского перевода Мухаммада Садыка немало пропусков слов, выражений, дат, встречаются и грубые ошибки. Вот несколько примеров, не отмеченных В. В. Вельяминовым-Зерновым. В переводе седьмым ребенком Йунус-хана указан Султан Нигар-ханым (с. 9 второго дафтара); по персидскому оригиналу — Давлат Султан-ханым. На с. 166 перевода вместо 905 г. х. ошибочно записан 950 г. х.; в другом случае вместо 928 г. х. сначала указан 916 г. х., затем слово «десять» зачеркнуто и над ним написано слово «двадцать» (с. 283); на с. 115 дата (912 г. х.) вообще опущена. Вместо правильного Кара-Тегин в списке значится «Катар-Тегин» (с. 181) и т. д.

Следует также отметить, что в петербургской рукописи полностью отсутствует унификация. Это прежде всего касается, конечно, географических названий и этнонимов. Особенно показателен пример со словом «казак». До 299-й страницы второго дафтара слово «казак» пишется то в форме қазāқ, то қазāқ. На указанной странице встречается выражение: «...Один из ученых составил хронограмму на то событие: āштī-ий қазāқ („мир с казахами“)». Поскольку, согласно *абджаду*, нужную дату (919 г. х.) можно получить только из словосочетания āштī-ий қазāқ, то слово қазāқ зачеркнуто и над ним написано қазāқ. В дальнейшем тексте слово «казак» встречается только в форме қазāқ.

Сопоставление всех наличных глав тюркской рукописи с персидским оригиналом «Тарих-и Рашиди» показывает, что в переводе Мухаммада Садыка нет изменений — дополнений, отступлений и т. п., которые с несомненностью указывали бы на проявление переводчиком сознательного творчества. Отмечаемые в петербургской рукописи пропуски слов, отдельных выражений, дат и т. д. объясняются как изъянами списка, с которого был сделан перевод Мухаммада Садыка, так и ошибками, внесенными при копировании переписчиком. В целом перевод Мухаммада Садыка Кашгари достаточно точно передает текст персидского оригинала «Тарих-и Рашиди», хотя он несколько суховат и в нем встречается большое количество малоупотребительных в тюркских языках арабских и персидских слов и выражений. Увлечение, особенно фарсизмом, иногда достигает предела: Мухаммад Садык оставляет без перевода не только персидские существительные, прилагательные, наречия и т. д., но зачастую даже глаголы и глагольные формы. Для человека, незнакомого хотя бы с азами персидской грамматики, чтение и понимание перевода Мухаммада Садыка оказываются достаточно затруднительными.

Ни перевод анонимного автора XVIII в., ни перевод Мухаммада Садыка, судя по количеству списков, не получил широкого распространения. Недостаточная известность этих переводов в Восточном Туркестане, с одной стороны, постоянное внимание, проявлявшееся местными верхами общества к письменным зафиксированным историческим рассказам, генеалогиям прежних династий и родовым сказаниям — с другой, стимулировали появление в XIX в. новых переводов «Тарих-и Рашиди». Одним из таковых явился перевод Мухаммада Нийаза. Новый перевод содержит обстоятельное предисловие, где переводчик подробно описывает обстоятельства перевода, приемы своей работы и т. д.⁵⁶ Приведем предисловие в нашем изложении; содержание его интересно во многих отношениях.

Полновластный правитель Яркенда, стяжавший милость Аллаха Абд ар-Рахман-ванг хаким-беклик, пишет Мухаммад Нийаз, не раз говорил ему, «удостоив сего ничтожного своей милости», что край этот принадлежит к области Моголистана и является местопребыванием могольских ханов. Жизненные обстоятельства ханов от времени Чингиз-хана до пресечения ханской династии в Моголистане неизвестны. Неизвестно также, сколько правителей царствовало в этом вилайете, каковы были установленные порядки, как они соблюдались и когда перестали действовать. «Надобно добыть книжку, где бы излагалась история правления ханов, или найти достойного доверия сказителя, который поведал бы об этих событиях, с тем чтобы имена могольских ханов не исчезли в здешнем мире и их жизненные обстоятельства не остались в забвении».

О том, имелись ли в местных книгохранилищах подобные книги, никто определенными сведениями не располагал. Случайно, однако, нашелся список «Тарих-и Рашиди» Мирзы Хайдара Гургана, и Мухаммад Нийаз, прочитав его, обнаружил, что эта книга целиком по-

священа могольским ханам и описанию событий в Моголистане. Рукопись была потрепана, с перебитыми листами и почти непригодна к использованию. «Мы очень жалели об этом», — пишет переводчик. «Будь этот список исправным, он был бы переведен на тюрки́ тогда же», т. е. при Абд ар-Рахман-ванге. По прошествии времени, когда Мухаммад Нийаз оказался, по его словам, на службе у сына Абд ар-Рахмана, Мухаммада Азиз-ванга хаким-беклика, правителя Хотана, ему удалось отыскать в дворцовой библиотеке еще один список «Тарих-и Рашиди», отличавшийся (от ранее им обнаруженного) «совершенной полнотой, безукоризненным исполнением и прекрасной сохранностью». Поскольку «Тарих-и Рашиди» написан на персидском языке, говорится в предисловии, то не всякий мог ею воспользоваться, уразуметь ее содержание. Тогда от Мухаммада Азиз-ванга поступило высочайшее повеление с предложением перевести «Тарих-и Рашиди» на тюрки́, чтобы сделать ее содержание доступным многим и чтобы инициатора перевода и переводчика поминали добрыми словами и провозглашали за них молитву благопожелания. Хотя Мухаммад Нийаз не находил в себе способностей, достойных для осуществления этого большого дела, все же, «уповая на бога», он взялся за перевод, ибо «при приведении в исполнение высочайшего повеления и всевышнего предписания не бывают промедления и упущения».

Далее Мухаммад Нийаз описывает приемы своей работы. Вкратце они заключаются в следующем. Перевод осуществлен простым языком, в общедоступных выражениях. Суры из Корана и хадисы, переведенные автором сочинения с арабского на фарси, переведены здесь на тюрки́, а не переведенные автором «Тарих-и Рашиди» арабские стихи и выражения оставлены «без вмешательства». Отдельные арабские стихи, смысл которых труден для понимания, также оставлены непереуведенными. Тюркские стихи, принадлежащие самому Мирзе Хайдару или заимствованные им у других почтенных авторов, воспроизведены в том виде, в каком они встречаются в тексте оригинала. Персидские стихи, содержащие тарих-хронограммы или представляющие собой *му'амма*, также переданы без изменения и переделки во избежание их «порчи». Остальные стихи на персидском языке, «по мере способностей», переложены на тюрки́. «Отдельные слова неарабского и неперсидского происхождения, которые, возможно, являются монгольскими, сохранившимися с тех давних победных времен, или калмакскими, как, например, манглай, курултай и подобные этим понятия, поневоле переданы по смыслу, приблизительно». По всей вероятности, пишет Мухаммад Нийаз, допущены ошибки и при переводе некоторых малоизвестных персидских слов. Но «я старался во всю меру своих способностей, соблюдал правила перевода, довольствовался тем, чтобы удовлетворительно передать содержание персидского текста тюркскими словами».

В конце повествовательной части предисловия переводчик заявляет, что он, подобно Мирзе Хайдару Гургану, посвятившему свой труд Абд ар-Рашид-хану, свой перевод «Тарих-и Рашиди» посвящает Му-

хаммаду Азиз-вангу и делает это на основании следующих трех причин: 1) персидский оригинал этой книги был обнаружен и стал известным в его время; 2) перевод был сделан согласно его высочайшему повелению; 3) род его через поколения восходит к Хазрат Мавлана Джамал ад-Дину, гробница которого находится в вилайете Аксу, в местности Ай-Куль.

Предисловие переводчика оканчивается стихами (л. 11а—12а); много стихотворных вставок и в самом тексте предисловия.

Послесловие к переводу⁵⁷ имеет особое название: «Окончание перевода этой книги и завершение писания начерно этого списка». Оно начинается словами благодарения Аллаху, давшему переводчику силу, чтобы завершить это «большое дело». Затем сообщается о том, что перевод был закончен в Хотане, 20 джумада II 1253 г. х., соответствующему году Уйи (Корова), т. е. 22 сентября 1837 г. Далее следуют обычные в практике мусульманских переводчиков слова обращения к читателю, содержащие просьбу о прощении за несовершенство перевода и призыв исправить допущенные ошибки. Послесловие к переводу, как и предисловие, завершает стих, принадлежащий переводчику.

Сведения, которыми мы располагаем о переводчике, скромны. Его полное имя — Мухаммад Нийаз б. Абд ал-Гафур (D 120, л. 26, 6а). Он был по призванию поэтом и пользовался *тахаллусом* (литературным псевдонимом) «Нийази»: этот литературный псевдоним приводится несколько раз в разных местах его стихов (D 120, л. 12а, 61б, 62а; D 121, л. 147а). Как свидетельствует перевод, он превосходно знал литературную версию своего родного тюркского языка и свободно владел персидским языком; причем он не только переводил с персидского, но даже сам писал на этом языке стихи (D 120, л. 11а). Даты жизни Мухаммада Нийаза неизвестны. Как видно из текста предисловия, он служил еще Абд ар-Рахман-вангу, правителю Яркенда, умершему, согласно китайским источникам, в 1833 г.⁵⁸ Затем Мухаммад Нийаз оказался в Хотане и состоял на службе у сына Абд ар-Рахмана, Мухаммада Азиз-ванга, по всей вероятности, в качестве придворного литератора. Был ли он привлечен к хотанскому двору по старому знакомству или же благодаря литературной известности, сказать трудно.

В рукописном отделе СПбФ ИВ РАН хранится список не упоминаемого в других каталогах сочинения Мухаммада Нийаза под названием «Кисас ал-гара'иб»⁵⁹. В нем имя автора приводится в форме Мухаммад Нийаз б. Гафур-бек⁶⁰; в стихотворении, завершающем авторское предисловие, упоминается и его тахаллус — «Нийази» (л. 3б). «Кисас ал-гара'иб» — небольшое по объему компилятивное сочинение типа «всеобщей истории» мусульманских династий; оно представляет собой, по словам самого автора, «перевод на тюрки» наиболее интересных и занимательных, с его точки зрения, рассказов из таких ираноязычных произведений, как «Тарих-и Акбари», «Раузат ал-джаннат», «Тазкират аш-шуара», «Нигаристан», «Раузат ас-сафа» и др. (л. 26, 120а, 128б). Сочинение окончено в «Яркендском вилайете, в

понедельник, 21 дня месяца раджаба 1268 г., соответствующем году Рыбы» (л. 1286), т. е. 11 мая 1852 г.

«Кисас ал-гара'иб» был написан по повелению хакима Хотана Мухаммада Азиз-ванга хаким-беклика (л. 26). Как видно из этого сообщения и формулы, употребленной после его имени, — «да умножится его могущество», Мухаммад Азиз был жив еще в 1852 г., что, кстати отметить, опровергает высказанное без ссылки на источник утверждение о том, что он умер в 1842 г.⁶¹ Из содержания авторского предисловия ясно, что Мухаммад Нийаз продолжал служить хотанскому хакиму. Причина переселения Нийази из Хотана в Яркендский валайет неизвестна; неизвестен и год его смерти.

Заключая раздел о нашем переводчике, укажем, что в начале XIX в. некое лицо, именующее себя Нийази Кашгари, перевело на тюрки «Тазкира-йи увайсйиа»⁶². Однако без изучения списка его перевода, на основании лишь совпадения тахаллусов, трудно утверждать, является ли этим переводчиком Мухаммад Нийаз б. Абд ал-Гафур или же мы имеем здесь дело с другим лицом, также носившим тахаллус «Нийази».

В противоположность переводам анонимного автора XVIII в. и Мухаммада Садыка, перевод Нийази дошел до нас в сравнительно большом количестве списков: в настоящее время наука располагает данными о существовании не менее десяти рукописей, представляющих собой различной полноты списки перевода Мухаммада Нийаза. В собраниях бывшего Советского Союза перевод Нийази представлен шестью рукописями. Охарактеризуем сначала петербургские рукописи, указав на особенности, не отмеченные в описаниях В. Д. Смирнова и А. М. Мугинова⁶³.

1. С.-Петербург, СПбФ ИВ РАН, D 120. По мнению А. М. Мугинова, она является, «возможно, автографом переводчика». Эта прекрасная по исполнению и сохранности рукопись заключает в себе перевод первого дафтара «Тарих-и Рашиди». Список оканчивается главой об Абд ар-Рашид-хане, и, таким образом, в нем отсутствует заключение Мирзы Хайдара к первому дафтару. В остальном рукопись отличается исключительной полнотой. Среди особенностей списка, а следовательно, и перевода, отметим дополнительный раздел, который вводит в свой перевод Мухаммад Нийаз. После главы, посвященной эмиру Худайдаду, Мухаммад Нийаз пишет, что его постоянным желанием было совершить *хаджж* (паломничество в Мекку), и он, узнав о том, что эмир Худайдад удостоился чести посетить Мекку и даже быть там похороненным, был растроган и написал стихи, которые помещает здесь же. Стихи посвящены той же теме — желанию Нийази посетить священные для мусульман места. Вставка переводчика занимает в рукописи (без двух строк) полные три страницы (л. 606—62а).

2. Там же, D 121. Рукопись содержит только часть второго дафтара начиная с его 39-й по счету главы. Рукопись оканчивается послесловием переводчика в прозе и стихах. В ряде случаев отсутствуют названия глав (л. 36, 70а, 106а), название одной главы вписано не

полностью (л. 486). Л. 88а и часть л. 876 не заполнены, однако перерыва в тексте нет. По оформлению и почерку рукопись близка к рукописи D 120. Возможно, они составлены в одном месте и представляют собой разные, отдельно переплетенные части одного списка перевода. В таком случае должна существовать третья рукопись такого же оформления и с совпадающим почерком, содержащая недостающие в D 121 начальные главы второго дафтара.

3. Там же, D 122. Рукопись переписана неизвестным лицом для своих нужд на бумаге разного формата и сорта. Текст перевода представлен не полностью и в сильно нарушенном порядке. Происхождение большей части лакун объясняется особенностями списка, с которого была переписана данная рукопись, что ясно из приписки на полях, сделанной рукой переписчика, после окончания главы об Йунус-хане: «В этом месте недостает двенадцати листов» (л. 32а). Действительно, «в этом месте» отсутствует текст трех глав перевода. Вместо послесловия Мухаммада Нийза в рукописи краткая запись: «Книга Тарих-и Рашиди была написана на фарси; она переложена на тюркское наречие в среду, в первый день месяца 'айид-и курбан 1253 года» (л. 12а).

4. Там же, D 192. Рукопись содержит текст перевода только последних 35 глав второго дафтара «Тарих-и Рашиди», а также второго трактата, письма Ходжи Нура и заключения Мирзы Хайдара ко второму дафтару. Текст очень близок к рукописи D 121; обе рукописи содержат также идентичное послесловие переводчика.

5. Там же, D 138. Речь об этой рукописи пойдет ниже, в связи с другим переводом.

6/1. Ташкент, Институт востоковедения, № 10191/П. Рукопись описана⁶⁴. Несмотря на неоднократные запросы, к сожалению, мне так и не удалось получить из Ташкента микрофильм этой рукописи. Судя по дате перевода — 1253 г. х., это, возможно, список перевода Мухаммада Нийза, однако в каталоге говорится, что это «уйгурско-узбекская редакция» (?!), выполненная неизвестным лицом по распоряжению «правителя Кашгара Зухураддина Таджи хаким-и беклика». Рукопись снабжена дополнением, содержащим историю Кашгарии с 40-х годов XVI в. до XIX в. Согласно В. П. Юдину и О. Х. Жалилову, для продолжения истории Восточного Туркестана использованы соответствующие главы «Тарих-и Кашгар» вместе с книгой под названием «Таварих». «Под последней имеется в виду как будто „Тарих-и Сайид Рахим“»⁶⁵.

7/1. Дели, The Archaeological Museum. Red Fort⁶⁶. В каталоге имя переводчика приводится в форме: Muhammad Niyayuhi, son of 'Abdul Ghaffar. Никаких описательных характеристик рукописи не приводится, кроме ее объема (676 с.) и размера (36×23 см).

8—10/1—3. Лондон, The British and Foreign Bible Society. Три рукописи⁶⁷. Все они неполны, и каждая из них представляет лишь часть текста перевода. Рукопись, содержащая часть текста второго дафтара, по словам Н. Илайеса, оканчивается следующими словами:

«Я закончил этот перевод 22 джумада II 1263 года, в городе Хотане»⁶⁸. Если эта запись передана Н. Илайесом верно⁶⁹, то совершенно очевидно, что, как это часто бывает при передаче дат и вообще цифр, переписчик здесь допустил ошибку: вместо «22 джумада II 1253 года» должно быть «20 джумада II 1253 года». Можно допустить, правда с большой натяжкой, и другое, а именно: эта запись принадлежит не переводчику Мухаммаду Нийазу, а переписчику. Тогда указанная дата — время переписки рукописи.

11/1. Лондон, India Office Library, Turki ms. 1⁷⁰. О составе рукописи у нас нет сведений. Судя по цитатам, приводимым Хамада Мисами, рукопись начинается с предисловия Мухаммада Нийаза.

Все известные ныне списки перевода Мухаммада Нийаза датируются XIX в. Широкому и относительно быстрому распространению этого перевода способствовали как достоинства, коими отличается само сочинение Мирзы Хайдара Дуглата, так и высокие качества нового перевода. Перевод Нийази отличается большой точностью и даже некоторым изяществом. Переводчику удалось точно передать не только смысл оригинала, но и присущую персидскому тексту простоту слога, легкость и отчетливость изложения. Эта характеристика относится в равной мере и к стихам: персидские стихи, имеющиеся в «Тарих-и Рашиди», переложены с тюрки с соблюдением стихотворного ритма, что свидетельствует о поэтическом даровании переводчика. Сформулированную в предисловии задачу — переводить простым языком, в общедоступных выражениях, как представляется нам, следует рассматривать не только как желание Нийази привести свой перевод в согласие с лингвоэстетическими запросами современного ему восточно-туркестанского образованного общества, которое слабо владело персидским. Ориентация на преимущественно тюркскую лексику, судя по языку его «Кисас ал-гара'иб» и обширному предисловию к «Тарих-и Рашиди», была сознательной писательской позицией Мухаммада Нийаза. Свободное владение персидским языком и превосходное знание тюркского позволили ему провести этот принцип последовательно, без ущерба точности и ясности перевода. Эта удобопонятность для тюркского читателя, не владеющего персидским языком, при точности в передаче оригинала позволяет говорить о высоком качестве перевода Мухаммада Нийаза. Следует учитывать также, что перевод был сделан с рукописи «совершенной полноты, безукоризненного исполнения и прекрасной сохранности». Важно здесь и то, что большая часть перевода (рукописи D 120 и D 121), по-видимому, представлена автографом Мухаммада Нийаза или, во всяком случае, прижизненной переводчику копией прекрасной работы и хорошей сохранности. Таким образом, значение нового перевода для критики текста персидского оригинала достаточно велико. Благодаря своим достоинствам перевод Мухаммада Нийаза может оказать современному исследователю «Тарих-и Рашиди» такую услугу, какую, в силу специфики так называемого «восточного перевода»⁷¹, нам редко оказывают мусульманские переводчики.

Для того чтобы дать читателю представление о степени полноты и точности перевода Мухаммада Нийаза, приводим в русском переводе фрагмент из персидского оригинала «Тарих-и Рашиди» и параллельного текста из тюркской рукописи.

Перевод

Из персидского оригинала

«Повествование о Султан Ахмадхане, сыне Йунус-хана. ... Султан Ахмад-хан был государем чрезвычайно религиозным, благочестивым и набожным, так что большинство дел решал на основании божественного закона, и никаких затруднений в том он не испытывал. Был он человеком суровым, дерзновенным и совершенной отваги; рассудок его был здравый, суждения подобающие. К сайидам, дервишам, улемам и добродетелям он относился с особенной заботой. Большую часть времени он посвящал исполнению нравственных и религиозных предписаний и публично совершал ритуалы уставной молитвы. Он строго соблюдал узы родства. Почтение к хорошим поступкам и высоким душевным качествам было в его время бесподобным. Его благословенный возраст достиг тридцати девяти [лет, когда он умер]. Полное описание его жизненных обстоятельств приведено во втором дафтаре»⁷².

Из рукописи D 120 (л. 946)

«Повествование о Султан Ахмадхане. ... Султан Ахмад-хан был падишахом чрезвычайно религиозным, благочестивым и набожным, так что большинство дел решал на основе божественного закона, и никаких затруднений в том он не испытывал. Был он очень энергичным, дерзким и совершенной отваги; рассудок его был здравый, суждения подобающие. Особенно дервишам, улемам и добродетелям он оказывал исключительное покровительство. Большую часть времени он посвящал исполнению нравственных и религиозных предписаний и публично совершал ритуалы уставной пятикратной молитвы. Он строго соблюдал узы родства. В его время почтение к хорошим поступкам и высоким душевным качествам было несравненным. Его благословенный возраст достиг тридцати девяти лет [когда он скончался]. Описание других его жизненных обстоятельств приведено во втором дафтаре».

Как видно из сравнения, Мухаммад Нийаз очень близко следует за своим персидским оригиналом, давая на всем протяжении ясный и почти везде превосходный перевод. Нет сомнения в том, что никаких стилистических, текстологических и иных задач, направленных на изменение буквы оригинала, переводчик перед собой не ставил. Строго придерживаясь «правил перевода», он просто стремился, как указано в предисловии, «точно воспроизводить смысл персидского текста тюркскими словами» (D 120, л. 10а). Из сравнения заметно, что персидский текст, с которого нами сделан русский перевод, в деталях чуть полнее, чем тюркский текст, однако эта полнота достигнута здесь благодаря критическому тексту, составленному нами на основе четырех петербургских рукописей «Тарих-и Рашиди». Если же перевод Нийази сопоставлять с любым из этих четырех персидских списков отдельно, то в каждом случае текст рукописей D 120 и D 121 оказывается более полным, что свидетельствует о достоинствах персидского оригинала, взятого за основу тюркского перевода.

К рассмотренным трем переводам «Тарих-и Рашиди» следует прибавить еще один тюркский перевод, выполненный, по-видимому, в XIX в. в том же Восточном Туркестане. Этот перевод представлен в СПбФ ИВ РАН единственным списком, хранящимся под шифром D 138. Ни имя переводчика, ни дата перевода в рукописи не указаны. По неизвестным основаниям К. Залеман считал, что переводчиком является Мухаммад Садык Кашгари⁷³. А. М. Мугинов полагал, что, «вероятно, находящийся в данном списке перевод всех четырех частей сочинения выполнен также Мухаммад-Нийазом ибн Абд ал-Гафуром»⁷⁴. Однако сравнение текста всех наличных тюркских переводов показывает, что мы имеем дело с независимым и самостоятельным переводом с персидского оригинала. Перевод неполный, и его текст занимает лишь часть рукописи. Текст второй части тома, как будет показано ниже, восходит к переводу Мухаммада Нийаза. Поскольку речь идет о рукописи до сих пор не обследованной и не изученной, дадим более подробную ее характеристику.

Рукопись представляет собой больших размеров (42×27 см) том в картонном переплете зеленого цвета с цветным тиснением. Первые листы (л. 01—036, 1а) и последние листы (л. 245б, 001а—004б) рукопись без текста. В начале л. 03а имеется краткая запись из четырех слов: «Хууа (Он, т. е. Аллах). Начало Тарих-и Рашиди». Оставленные чистыми в начале и конце тома листы, очевидно, были предназначены для предисловия и послесловия переводчика. Перевод, как и оригинал, разделен на два дафтара. Текст первого дафтара отличается значительной неполнотой: после л. 12а пропущен текст трех глав, а сам дафтар оканчивается главой «Рассказ об отправлении Йунус-хана и Айразака в Самарканд, к Мирза Улугбеку» (л. 41б). Таким образом, в первом дафтаре, по сравнению с оригиналом, отсутствует текст 36 глав и авторского послесловия. Вторым дафтаром начинается словами «Предисловие ко второму дафтару Тарих-и Рашиди» (л. 42б). В этой части рукописи лакун немного: нет текста всего лишь трех глав, в том числе главы о певцах (л. 80а). Л. 239а — чистый, а на его оборотной стороне есть не имеющая отношения к основному тексту запись, сделанная рукой переписчика: перечисление предков эмира Пуладчи и Тимура с краткими данными о них. Перерыва в основном тексте нет.

Рукопись переписана в 1308/1890—1891 г. (л. 245а) одним переписчиком, четким курсивным насталиком. Имя переписчика не указано; не обнаруживаются никаких ясных указаний и на место переписки. Судя по тому, что рукопись поступила в Азиатский музей в 1897 г. в составе коллекции Я. Я. Лютша, «бывшего секретарем консульства в Кашгаре»⁷⁵, местом переписки является Восточный Туркестан.

На то, что рассматриваемая рукопись включает в себя два разных перевода с персидского оригинала и в основе второго дафтара списка лежит перевод Мухаммада Нийаза, с полной очевидностью указывает сравнение текстов. Так, выясняется, что тексты из первого дафтара рукописей D 138 и D 120 отличны друг от друга как по стилю, так и по словоупотреблению. Весьма показательным, что в этой части не сов-

падают также и стихи, переведенные на тюрки. Более того, в рукописи D 138 отдельные стихи приведены и по-персидски, и в переводе на тюрки (л. 34а). Восстановление текста стиха на фарси, в частности отсутствующего в переводе Нийази, было бы невозможно, если бы переводчик не имел под рукой персидского оригинала «Тарих-и Рашиди».

Текст первого дафтара рукописи D 138 по своим особенностям не совпадает также ни с текстом перевода анонимного автора XVIII в., ни с переводом Мухаммада Садыка.

Тексты из второго дафтара рукописей D 138 и D 121, напротив, обнаруживают полное единство, т. е. содержат один и тот же перевод, а именно перевод Мухаммада Нийаза. Однако в рукописи D 138 объем текста перевода Нийази подвержен некоторым колебаниям по сравнению с рукописью D 121: пропущены главы о возвращении Тадж ад-Дина в Турфан (л. 179б), описание Кашмира (л. 216б); в ряде мест опущены стихи (л. 221б, 226б, 230а); в одном случае отсутствует название главы (л. 236б); нет послесловия Мухаммада Нийази к переводу. Отмечаются пропуски или, наоборот, добавление отдельных слов, искажение или, напротив, улучшение отдельных чтений и т. д.

Выше уже отмечалось, что в рукописи D 138 перевод анонимного автора оканчивается на середине л. 416 36-й по счету главой первого дафтара; причем в конце текста главы стоит *тамам*, т. е. «окончено». Поскольку остального текста первого дафтара в рукописи нет, а текст второго дафтара перевода Нийази представлен в сравниваемой рукописи (D 121) не полностью — отсутствуют авторское предисловие и первые 38 глав, трудно сказать, с какой именно главы и какого дафтара начинается собственно текст перевода Мухаммада Нийаза. Не ясно здесь также употребление и смысловое значение слова «тамам». Что «окончено»? Независимый и самостоятельный перевод с персидского оригинала? Представленный в протографе текст первого дафтара? «Окончена» работа переписчика по копированию текста перевода анонимного автора? Соответственно, остаются невыясненными: степень действительной полноты перевода анонимного автора; время появления нового перевода; причина сборного характера рукописи D 138. Кто инициатор соединения в одной книге текста двух разных переводов? Сам переводчик или переписчик?

Возможности дать убедительный ответ на все эти вопросы ограничены отсутствием соответствующих данных, которые могли бы быть извлечены при благоприятных условиях непосредственно из самой рукописи. При создавшемся положении представляется много простора для догадок и предположений. Между тем цель нашей статьи конкретна и состоит в изучении состава хранящихся в СПбФ ИВ РАН тюркских рукописей «Тарих-и Рашиди» и выявлении главных их особенностей путем сопоставления тюркских списков с персидским оригиналом и друг с другом. Выявленный таким образом новый независимый перевод «Тарих-и Рашиди» на тюрки и является одним из конкретных результатов настоящей работы.

Итак, только в рукописном отделе СПбФ ИВ РАН хранятся по крайней мере четыре перевода «Тарих-и Рашиди» на тюрки, самый ранний из которых датируется 1751 г. Все они самостоятельны и независимы друг от друга, т. е. дошедшие до нас тюркские переводы исторического сочинения Мирзы Хайдара Дуглата не представляют собой эволюцию одного основного перевода, а зависят от разных списков персидского оригинала.

Все переводы — восточнотуркестанского происхождения и, видимо, выполнены профессиональными литераторами. Однако не все они обладают одинаковой текстологической ценностью, что объясняется не только качеством самих переводов, но и степенью полноты представляющих их списков, равно как сохранностью авторского текста каждого отдельного перевода. Из них наибольшее значение имеет перевод Мухаммада Нийаза, высокообразованного и сведущего в своих делах переводчика, человека, несомненно, одаренного, хорошо знавшего языки и страну, описанную Мирзой Хайдаром Дуглатом.

Восточнотуркестанское происхождение переводов — явление не случайное. «Тарих-и Рашиди» — центральный источник по истории Восточного Туркестана XIV—XVI вв., т. е. периода образования Моголистана и собственно Могольского государства с центром в Яркенде. Когда восточнотуркестанские книжники XVIII—XIX вв. в силу нужд и запросов местного культурного развития вынуждены были обращаться к истории края более раннего периода, они оказывались в зависимости от своих предшественников по перу, писавших преимущественно по-персидски, и прежде всего от Мирзы Хайдара Дуглата. Этим объясняется, главным образом, и количество переводов «Тарих-и Рашиди» на тюрки. С другой стороны, появление новых переводов сочинения Мирзы Хайдара вызывалось недостаточной известностью каждого предыдущего перевода, о чем свидетельствует как количество дошедших до нас списков переводов XVIII в., так и отсутствие сведений о знакомстве каждого последующего переводчика с работой своего предшественника.

Как видно из приведенного материала, по крайней мере два перевода из четырех были выполнены по заказу высокопоставленных лиц. Однако читательская аудитория рассматриваемых переводов была тем не менее социально разнородной, о чем свидетельствуют не только авторские мотивировки побудительных причин переводов — сделать «Тарих-и Рашиди» доступным всем тюркоязычным жителям Моголистана, но также наличие списка, переписанного для своих нужд жителями сельской местности.

Примечания

1. Сведения о Мирзе Хайдаре и его сочинении см.: *Бартольд В. В.* Хайдер-мирза // *Бартольд В. В.* Сочинения. Т. 8. М., 1973. С. 598—599; *Стори Ч. А.* Персидская литература: Био-библиографический обзор: В трех частях. Пер. с англ., перераб. и доп. Ю. Э. Брегель. М., 1972. Ч. 2. № 1068; *Султанов Т. И.*

- «Тарих-и Рашиди» Мирза Хайдара Дуглата: (Литературная история памятника) // Письменные памятники Востока: Историко-филологические исследования. М., 1982. С. 116—135; *Hofman H. F.* Turkish literature: A Bio-bibliographical Survey. Section 3. Part 1. Vol. 1—6. Utrecht, 1969. Vol. 3. P. 156.
2. *Бартольд В. В.* Чагатайская литература // Бартольд В. В. Сочинения. Т. 5. М., 1968. С. 610; *Его же.* Хайдер-мирза. С. 599.
 3. *Мугинов А. М.* Описание уйгурских рукописей Института народов Азии АН СССР. М., 1962. № 37.
 4. *Islam Ansiklopedisi.* Cüz 43. Istanbul, 1949. S. 388.
 5. *Pearson J. D.* Oriental Manuscript Collections in the Libraries of Great Britain and Ireland. London, 1954. P. 55.
 6. См.: *Миклухо-Маклай Н. Д.* Описание персидских и таджикских рукописей Института востоковедения АН СССР. Вып. 3: Исторические сочинения. М., 1975. № 465.
 7. *Hofman H. F.* Turkish literature. Vol. 3. P. 162.
 8. *Ibid.*
 9. *The Tarikh-i-Rashidi of Mirza Muhammad Haidar Dughlat: A History of the Moghuls of Central Asia: An English Version / Edited with Commentary, Notes and Map by N. Elias. The translation by E. Denison Ross.* London, 1895. P. IX—X.
 10. *Мугинов А. М.* Описание... № 31—37; *Дмитриева Л. В., Мугинов А. М., Муратов С. Н.* Описание тюркских рукописей Института народов Азии АН СССР. Вып. 1: История. М., 1965. № 87—93.
 11. В упомянутом выше английском переводе «Тарих-и Рашиди» опущены заключение Мирза Хайдара ко второму дафтару и 25 глав из основного текста; некоторые главы даны в сокращенном варианте.
 12. Оба этих трактата и письмо опущены в английском переводе.
 13. Тарих-и Рашиди тарджамаси, рук. СПбФ ИВ РАН, С 570, л. 240б.
 14. *Мугинов А. М.* Описание... № 37.
 15. *Махмуд ибн Вали.* Море тайн относительно доблестей благородных (география) / Введ., пер., примеч. и указатели Б. А. Ахмедова. Ташкент, 1977. С. 72.
 16. Материалы по истории Казахских ханств XV—XVIII веков: (Извлечения из персидских и тюркских сочинений). Алма-Ата, 1969. С. 482—483.
 17. *Мугинов А. М.* Описание... № 37.
 18. В самой рукописи пагинация восточная — кустодная. Нумерация листов принадлежит, видимо, А. М. Мугинову. Однако ближе к концу списка он ошибся при счете и вместо л. 240 вписал л. 270. Старая нумерация исправлена нами, поэтому ссылки на листы рукописи после л. 240 не совпадают со ссылками, приводимыми А. М. Мугиновым.
 19. *Мирза Хайдар Дуглат.* Тарих-и Рашиди, рукопись СПбФ ИВ РАН, В 648, л. 14а; С 394, л. 12а; С 395, л. 176; D 71, с. 20.
 20. Название главы приведено и по-персидски, и в тюркском переводе.
 21. Название главы дано по-персидски.
 22. *Мирза Хайдар Дуглат.* Тарих-и Рашиди, рукопись СПбФ ИВ РАН, В 648, л. 120аб; С 394, л. 98б—99а; С 395, л. 157б—158а; D 71, с. 191—192.
 23. То же, рукопись В 648, л. 83б—84а; С 394, л. 58аб; С 395, л. 102б—103а; D 71, с. 124—125.
 24. Дальнейший текст в рукописи переписан основным переписчиком.
 25. Сначала переписчик написал «Мирза Аба-Бакр», затем зачеркнул это имя и написал «Мирза Хайдар».
 26. Собрание восточных рукописей АН Узбекской ССР. Т. 3. Ташкент, 1955. № 2721; *Hofman H. F.* Turkish literature. Vol. 4. P. 29.
 27. *Дмитриева Л. В., Муратов С. Н.* Описание тюркских рукописей Института востоковедения. Вып. 2: История, акты, библиография, энциклопедии, география, календари. М., 1975. № 24.
 28. Там же, № 24—30; *Smirnow W. D.* Manuscrits turcs de L'Institut des Langues Orientales. St.-Petersbourg, 1897. № 78.

29. Семенов А. А. Указатель персидской литературы по истории узбеков в Средней Азии. Ташкент, 1926. С. 15.
30. Юдин В. П. [Рец. на:] Мухлисов Ю. Каталог... // Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР. Т. 15. Алма-Ата, 1962. С. 202.
31. Hofman H. F. Turkish literature. Vol. 4. P. 23.
32. Мухлисов Ю. Уйгур классик адабиати колязмилиринин каталоги // Шинжан йерлик музейига тайярлик коруш башкармиси. 1957. № 41.
33. Hofman H. F. Turkish literature. Vol. 4. P. 23.
34. Мухлисов Ю. Уйгур холязмилиринин каталоги. № 41.
35. Мугинов А. М. Описание... № 32.
36. Дмитриева Л. В., Муратов С. Н. Описание... Вып. 2. № 24.
37. Стори Ч. А. Персидская литература. Ч. 2. № 1068. С. 1204. Примеч. 4.
38. Валиханов Ч. Ч. Из «Тарих-и Рашиди» // Валиханов Ч. Ч. Собрание сочинений. Т. 1. Алма-Ата, 1961. С. 437; Мугинов А. М. Описание... № 32.
39. Salemann C. Neue Erwerbungen des Asiatischen Museums // Mélanges Asiatiques tirés du Bulletin de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Pétersbourg. Tome IX (1880—1888). St.-Pétersbourg, 1888. S. 383—384.
40. Hofman H. F. Turkish literature. Vol. 3. P. 163.
41. Ibid. Vol. 4. P. 21.
42. Тарих-и Рашиди. Пер. Мухаммада Садыка Кашгари, рукопись СПбФ ИВ РАН, С 569. С. 2—10.
43. Думан Л. И. Аграрная политика Цинского (Манчжурского) правительства в Синьцзяне в конце XVIII века. М.; Л., 1936. С. 97.
44. Hofman H. F. Turkish literature. Vol. 3. P. 164; Vol. 4. P. 21.
45. Думан Л. И. Аграрная политика... С. 97, 107, 164, 191; Courant M. L'Asie Centrale aux XVII et XVIII Siècles: Empire Kalmouk ou empire Mantchou? Lyon; Paris, 1912. P. 121—122.
46. Hartmann M. Chinesisch-Turkestan: Geschichten, Verwaltung, Geistesleben und Wirtschaft. Halle, 1908. S. 35.
47. Часть текста, составляющую предисловие автора, А. М. Мугинов ошибочно отнес к предисловию переводчика и потому неверно указал страницы. В действительности предисловие переводчика — с. 2—10, а предисловие автора — с. 10—16 (см.: Дмитриева Л. В., Мугинов А. М., Муратов С. Н. Описание... Вып. 1. № 93).
48. Сначала было написано «с персидского», затем автор записки зачеркнул это и написал «с арабского».
49. См. выше описание содержания предисловия переводчика.
50. Дмитриева Л. В., Мугинов А. М., Муратов С. Н. Описание... Вып. 1. № 93.
51. Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о Касимовских царях и царевичах. Ч. 2. СПб., 1864. С. 144 и след.
52. Материалы по истории Казахских ханств XV—XVIII веков: (Извлечения из персидских и тюркских сочинений). Алма-Ата, 1969. С. 191, 520 и др.
53. Вельяминов-Зернов В. В. Исследование... Ч. 2. С. 137—138.
54. Hofman H. F. Turkish literature. Vol. 3. P. 163.
55. Salemann C. Neue Erwerbungen... S. 383. Anm. 12.
56. Тарих-и Рашиди. Пер. Мухаммада Нийаза, рукопись СПбФ ИВ РАН, D 120, л. 16—12а.
57. То же, D 121, л. 1466—147а.
58. Hamada Masami. Islamic Saints and Their Mausoleums // Acta Asiatica: Bulletin of the Institute of Eastern Culture. Tokyo, 1978. Т. 34. P. 92.
59. Дмитриева Л. В., Мугинов А. М., Муратов С. Н. Описание... Вып. 1. № 27.
60. Мухаммад Нийаз. Кисас ал-гара'иб, рукопись СПбФ ИВ РАН, D 106, л. 2а.
61. Hamada Masami. Islamic Saints... P. 92.
62. Hofman H. F. Turkish literature. Vol. 4. P. 279.
63. Smirnow W. D. Manuscripts turcs... № 76; Мугинов А. М. Описание... № 31, 33—36; Дмитриева Л. В., Мугинов А. М., Муратов С. Н. Описание... Вып. 1. № 88—92.

64. Собрание восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР. Т. 7. Ташкент, 1964. № 5014.
65. Материалы по истории Казахских ханств. С. 410—411; *Жалилов Омонбек Хусайнбек угли*. «Тарихий Рашидий» нинг иловаси // Шаркшунослик. № 5. Тошкент, 1994. С. 88—95.
66. Manuscripts from Indian Collections. Descriptive Catalogue. New Delhi, 1964. P. 110.
67. *Hofman H. F.* Turkish literature. Vol. 3. P. 162; согласно Н. Илайесу — две рукописи (The Tarikh-i-Rashidi, p. IX).
68. The Tarikh-i-Rashidi. P. X.
69. Во всяком случае в переводе даты по хиджре на европейский календарь Н. Илайесом допущена грубая ошибка: месяцу джумада II 1263 г. х. соответствует не 1845 г., как указано у него, а 1847 г.
70. *Namada Masami*. Islamic Saints... P. 81.
71. Характеристику так называемому «восточному переводу» см.: *Смирнов В. Д.* Турецкие легенды о Святой Софии, о других византийских древностях. СПб., 1898 (особенно с. 13); *Бертельс Е. Э.* Неваи и Аггар // Мир-Али-Шир: Сборник к пятисотлетию со дня рождения. Л., 1928. С. 27.
72. *Мирза Хайдар Дуглат*. Тарих-и Рашиди, рукопись СПбФ ИВ РАН, В 648, л. 676; С 394, л. 45аб; С 395, л. 84а; D 71, с. 102.
73. *Залеман К. Г.* Рукописи Я. Я. Люшта // *Mélanges Asiatiques*. Tome XI (1895—1901). St.-Pétersbourg, 1901. P. 55. № 4.
74. *Дмитриева Л. В., Мугинов А. М., Муратов С. Н.* Описание... Вып. 1. № 91.
75. *Залеман К. Г.* Рукописи Я. Я. Люшта. P. 55.